

К ИСТОРИИ ОДНОЙ АНТИЧНОЙ ПОЛЕМИКИ:
АРИСТОФАН – СОКРАТ – ЕВРИПИД

Афины – интеллектуальный центр древнегреческой цивилизации – были культурным пространством столкновения различных точек зрения по проблемам политическим, правовым, экономическим, военным. Пространство это было публичным, позиции противостоящих сторон оспаривались и отстаивались при большом скоплении народа. Место выяснения отношений в афинском ландшафте оформилось в агору – первоначально так называлось народное, судебное или военное собрание свободных граждан, а затем городская площадь, ставшая центром общественного быта. Кроме этого здесь существовал и другой интеллектуальный локус, функционировавший лишь дважды в году, что отнюдь не снижало его ценностного значения. Это – театр Диониса. Отголоски происходившего в театре во время празднования Леней и Великих Дионисий длительное время были едва ли не самым актуальным предметом общегражданского обсуждения на агоре.

Одним из самых драматических эпизодов, связанных с полемикой, стоившей в конечном счете одному из ее участников жизни, эпизодом, экспозиция которого произошла на сцене афинского театра Диониса, а кульминация и развязка – на агоре, был спор между комедиографом Аристофаном и мыслителем Сократом. Память об одном дошла до нашего времени в поразительных по глубине мысли и остроумию диалогах, о другом – в искрометных и язвительнейших комедиях. **Цель предлагаемой статьи** – показать, что в приговоре Сократу, вынесенном афинским судом, одну из решающих ролей сыграла сатира Аристофана. **Задачи статьи** – продемонстрировать ту роль, которую сыграл философ и комедиограф в формировании интеллектуального портрета афинской агоры.

Собственно, полемики в привычном смысле не было: на сатирические выпады Аристофана Сократ не считал нужным как-либо реагировать, во-первых, в силу невозмутимости характера, а, во-вторых, поскольку был убежден, что записанное изречение не в состоянии передать истинное значение мысли. Философ утверждал, что лишь незнающие «записанную речь ставят выше, чем напоминание со стороны человека, сведующего в том, что записано» [4, с. 217]. Иными словами, Аристофан писал на одном языке, Сократ же рассуждал – на другом. Можно предположить, что мыслитель как-то отвечал комедиографу в устной форме, и его высказывания не дошли до нашего времени. Однако, если считать достоверным свидетельство Диогена Лаэртского о том, что Сократ «умел не обращать внимание на насмешников» [2, с. 111], то более вероятен вывод, что он вообще не утруждал себя возражениями. Тут мы имеем дело с полемикой двоякого рода: противостоянием двух принципиальных мировоззренческих позиций и одновременно двух культур: письменной и устной. То, что Сократ принадлежал к последней, во многом затрудняет изучение его личности, вплоть до того, что вполне серьезно высказывалась мысль о том, что сам он – не более, чем философский фантом, миф. Что же касается сведений о мыслителе, представленном его благоверными учениками, то безграничного доверия они вряд ли заслуживают, и представления об аутентичном Сократе не дают. Лев Шестов как-то остроумно заметил по поводу чрезмерного пиетета перед авторитетами: «...чем логичней, добросовестней его (ученика – А.Б.) выводы, тем вернее он компрометирует своего учителя» [5, с. 183].

Аристофан же пытался пропустить через искажающее (в данном случае) зеркало своей сатиры не только саму личность Сократа, но и его учение. Несходство философа исторического и его же – персонажа аристофановских комедий – очевидно. Интересно другое: чем было вызвано подобное искажение, почему именно мыслитель, любимец Афин, завсегдагатай агоры оказался объектом комедиографического террора? Это утверждение отнюдь не является преувеличением, именно террора, ибо никто из современников не провоцировал столь неприкрытого раздражения у Аристофана. Приведу несколько примеров.

Фидиппид из комедии «Облака» о философе:

А, знаю, негодяи бледнорожие,
Бахвалы, плуты, нечисть босоногая,

Дурак Сократ и Херефонт помешанный...

В этой же антисократической комедии Предводительница облаков обращается к осмеиваемому автором мыслителю – «священнослужитель речей плутовских». Здесь-то Аристофан явным образом передергивает карты. Носителями «плутовских речей» афинское общественное мнение считало часть софистов – платных учителей мудрости. О них Стрепсиад – герой «Облаков» – отзывается таким образом:

Того, кто денег даст им, пред судом они
Обучат кривду делать речью правою.

Аристофан необъективен. Он делает предметом комедиографических насмешек не учение софистов, а то обстоятельство, что ряд представителей этой школы действительно брали плату за свою науку от афинян. К тому же не все софисты предметом обучения избирали «кривые речи», в первую очередь предназначенные для того, чтобы при помощи всевозможных логических ухищрений выиграть спор в суде. Сократ никогда не был близок софистам и никогда не принимал денег за обучение, хотя его окружало немалое количество учеников. Диоген Лэртский, ссылаясь на Фения из Эфеса, утверждал, что собеседник Сократа Аристипп «первым... начал брать плату со слушателей и отсылать деньги учителю. Однажды, послав ему двадцать мин, он получил их обратно, и Сократ сказал, что демоний (совесть – А.Б.) запрещает принимать их: действительно, это было ему не по душе» [2, с. 124].

Поставив Сократа в один ряд с софистами, Аристофан сам вольно или невольно прибегнул к одной из софистических уловок – ложному обвинению. Это неудивительно – комедиограф часто являл собою образец необъективности по отношению к своим оппонентам и ради красного словца нередко грешил против истины. Лучшим тому подтверждением служат его литературные выпады против Еврипида – самого талантливого по оценке Аристотеля из афинских трагиков. Знаменитый поэт, «философ на сцене», по одним свидетельствам считался учеником Продика, по другим – находящимся в противоречии с хронологией – Протагора (Еврипид и Протагор были почти сверстниками). Хотя драматург и не ставил в своих трагедиях теоретически сформулированных проблем, близость ряда сюжетов его произведений предмету размышлений «старших» софистов, не оставила безразличным Аристофана. При этом он пускался во все тяжкие. В частности, несмотря на то обстоятельство, что сам комедиограф являлся выразителем интересов аттических земледельцев, представители которых были едва ли не единственными положительными персонажами его сочинений, он в «Лягушках» устами Эсхила высмеивает простонародное происхождение Еврипида:

Богини огородной порождение,
...попрошайка слов,
Тряпичников властитель и лоскутьев швец.

По преданию великий трагик был сыном зеленщицы, а многие его персонажи, несмотря на высокое происхождение, появлялись на сцене в рубище, что обозначало жизненное фиаско, которое они потерпели согласно сюжетам Еврипида – самого эпатажного из великих трагиков эпохи древнегреческой классики.

Особенно достается Еврипиду в комедиях «Женщины на празднике Фесмофорий», в которой пародируются сюжеты и поэтика его трагедий, а также во «Всадниках» и «Тишине». В последней его поэзия презрительно называется «стишонками», а сам он «поэтом сутяг, певцом судейской кляузы». Здесь прослеживается намек на близость трагика софистической школе. Становится понятно, почему эсхиловские трагедии (в адрес которых Аристофаном выпущено немало критических острот, прежде всего по поводу архаического поэтического стиля трагика) оказываются предпочтительней сочинений Еврипида – вывод, к которому комедиограф посредством образа Диониса подводит зрителя «Лягушек». В финале этой комедии, поясняя причину поэтического поражения Еврипида в творческом состязании, происходящем в загробном мире, Аристофан усматривает ее в близости последнего сократовскому образу мышления:

Не сидеть у ног Сократа,
Не болтать, забыв про муз,
Позабыв про высший смысл
Трагедийного искусства,–

В этом верный мудрый путь.
Слов громоздких и пустых
Городить забор воздушный,
Празднословьем заниматься –
Это могут лишь глупцы.

В «Облаках» автор утверждает, что Еврипид – полнейшая бездарность, а истинным автором его сюжетов является ни кто иной, как Сократ:

Для Еврипида пишет он трагедии,
В которых столько болтовни и мудрости.

В односторонней полемике неистовый Аристофан сводит воедино индивидуалистическую и рационалистическую поэзию Еврипида и антропологический рационализм Сократа. Делает он это либо ошибочно – в силу малой философской образованности, либо умышленно – моделируя для себя комедиографический образ-мишень – отождествив их с разновидностью ложной софистической мудрости. Кроме того, Аристофана раздражает то обстоятельство, что двигательной силой самых известных трагедий Еврипида оказываются женщины – Медея, Федра, характеры и поступки которых сильнее и решительнее, чем у героев-мужчин.

Кстати, комедиограф не оригинален в подобном сопоставлении. Ментальная связь Сократа и Еврипида была замечена не только им. Другой, правда, менее известный автор аттических комедий – Мнесилох (по другим сведениям его имя звучало как Мнесимах), отмечал:

«Фригийцы» – имя драме еврипидовой,
Сократовыми фигурами откормленной.

Коллега Аристофана по комедиографическому цеху – Каллий в своих «Пленниках» тоже фиксирует близость образа мыслей Еврипида и Сократа:

Скажи, с какой ты стати так заважничал?
– Причина есть; Сократ – ее название!

Позиция Аристофана отличается лишь язвительностью, балансирующей между остроумием и откровенной клеветой.

Но вернемся к Сократу, поскольку именно его фигура является первой, хотя и пассивной частью оппозиции в указанной «неявной» полемике, инициированной его мстительным современником-комедиографом. Как уже говорилось, упреки Аристофана сводились к обвинению афинского мудреца в принадлежности к «коммерческому» крылу софистической школы. Действительно, у Сократа и софистов есть общее. Они вместе выводили греческую философию из тупика изжившего себя к V веку до н.э. космологического сознания, поставив в центр мировоззренческих проблем человеческое бытие и познание. Но, если представить традиционную структуру сократического рассуждения, то сходство его с софистами ограничивается лишь первой – деструктурирующей, профанной частью. Софисты же, особенно «младшие» – их вторая генерация – дальше признания релятивной истины не пошли, не дотянув таким образом до вершины сократического метода познания – «майевтики». Для сократовского рационализма, этого «рассудочного испуга философа», по выражению А. Ф. Лосева, неорганичен показной апломб софистического всезнания. В финале диалога «Софист» устами Чужеземца, в котором несложно угадать самого Сократа, дается следующее определение софиста: «Этим именем обозначается основанное на мнении лицемерное подражание искусству, запутывающему другого в противоречиях...» [4, с. 399]. Диоген Лаэртский утверждал, что увидев «как Евклид наострился в словопрениях, он (Сократ – А.Б.) сказал ему: «С софистами, Евклид, ты сумеешь обойтись, а вот с людьми – навряд ли» [2, 113]. Все это делает более, чем сомнительными правдоподобность драматургических упреков Аристофана. Любопытным представляется еще одно обстоятельство: внимательно проследив критику софистов в аристофановых комедиях, мы, к удивлению, не обнаружим там ни одного из имен представителей этой школы. Лишь однажды в «Облаках» упоминается Продик. Все, в чем обвиняет комедиограф «ложных мудрецов», приписывается Сократу. Думаю, тут нельзя сбрасывать со счетов личные мотивы: Аристофан страдал уязвимым самолюбием и не мог простить Сократу того, что философ был любимцем Афин, одной из самых заметных фигур на агоре. К тому же за 24 года до суда над мудрецом Аристофан потерпел сокрушительное поражение, оказавшись лишь на третьем месте с комедией «Облака»

– своим главным антисократическим памфлетом. Победил драматург Кратин с комедией «Бу-тылка». Причем одним из главных обстоятельств аристофановского фиаско стал именно анти-сократический пафос его сочинения. На него обрушился гнев афинян, той самой агоры, которая стала на защиту философа (напомню: до того, как толпа переменяла свое мнение оставалось еще почти четверть столетия). Тут-то нерасчетливому сочинителю в пору было бы согласиться с софистами, утверждавшими, как передавал Платон, что «вместо господства лучших наступило в театрах какое-то скверное господство зрителей» [3, с. 16]. Вскоре он, по всей видимости, точно рассчитал, что позиция, ставящая под сомнение компетентность афинских зрителей, угрожает окончательным непризнанием его творчества, и избрал иную тактику. Понимая, что массовое сознание с недоверием, а порой и открыто враждебно относится к решительной ломке софистами культурных канонов, он обвинил в принадлежности к этой школе самого Сократа. Эффективность подобного приема усиливалась и тем, что Аристофан в своем творчестве выражал стиль мышления наиболее традиционалистски настроенных слоев населения, не принимавших никакого рода изменений, которые могли бы нарушить размеренный ритм бытия. Справедливо охарактеризовал В. Ф. Асмус аристофановские комедии как «безудержную сатиру консервативного публициста» [1, с. 108]. Уже упоминавшийся Стрепсиад – персонаж «Облаков» упоенно вспоминает:

Чудесной, тихой жил я жизнью сельскою,
В уюте, и в достатке, и в спокойствии
Средь пчел, вина, оливок и овечьих стад.

И хотя первая попытка свергнуть Сократа с пьедестала народного кумира провалилась, Аристофан не оставил честолюбивых претензий. В следующем после провала «Облаков» 422 году до н.э. он выставил на соревнования комедиографов сразу два произведения («Осы» и недошедшее до нас «Предварительное состязание») и занял оба первых места. Справедливости ради отметим, что, памятуя о прошлогоднем провале, драматург с осторожничал, выступив под именем своего хорошего знакомого – актера Филонида. Может, именно этот прием и позволил ему снискать лавры триумфатора.

«Сатира Аристофана, – как тонко заметил Ф. Шлегель, – очень часто не поэтического, а личного характера и столь же демагогична, как и манера его льстить желаниям и мнениям народа» [6, с. 57–58]. И кто знает, может статься, что небесталанный, но и необъективный аристофановский способ ведения полемики со своим оппонентом, стал одним из истоков судебного процесса весны 399 г. до н.э. Противостоять логикой Сократу не сумели, тогда его убили ядом, одним из компонентов которого вполне могла стать язвительность антисократических комедий Аристофана.

Проведенный анализ позволяет сделать **следующие выводы:**

1. Сатира Аристофана была обращена не на Сократа-философа, а против софистов в первую очередь. Но, не обладая тонким интеллектуальным чутьем, Аристофан отождествил главных учителей мудрости с философским учением афинского мудреца.
2. Будучи невосприимчивым к тем драматургическим новациям, которые были характерны для трагедий Еврипида, Аристофан умышленно (или в силу все иго же незнания) объяснил их влиянием сократического учения.
3. Сатирический антисократический и антиеврипидовский пафос Аристофана во многом объясняется уязвленным самолюбием комедиографа, ведь приближалось то понимание культурных ценностей афинскими интеллектуалами, когда (как Аристотель в «Поэтике») Еврипид будет признан лучшим из поэтов, пишущих для греческого театра.

1. Асмус В. Ф. Античная философия. – М., 1976.
2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1979.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. – М., 1969.
4. Платон. Сочинения. – Т. 2. – М., 1970.
5. Шестов Л. Предпоследние слова // Начала и концы. – СПб., 1908.
6. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. – Т. 1. – М., 1983.